

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ПОДВИГА

Автор выделяет в семантике подвига как исторически-ситуативную обусловленность, так и его универсально-человеческую значимость. В статье предлагается новый подход к интерпретации понятия исторического подвига. Как определенный стимул развития подвиг выявляет способность к изменению к лучшему, готовность выйти в пограничную ситуацию, за собственные пределы. Подвиг представлен как особый вид духовной практики.

В нашем исследовании мы ставим задачу раскрытия генезиса и специфики концепта подвига как позитивной нравственной деятельности. Данная задача требует выявления связей личности со своей социокультурной общностью. Эта задача по-разному решалась в науке и философии. Но зачастую происходила либо абсолютизация роли личностного начала (что вело к обожествлению образа героя), либо абсолютизация безличностных сил – Божественного Провидения, Мирового Разума, потребностей массы и т.п. (что вело уже к умалению роли личностного начала в истории).

Понятие подвига в национальном отечественном сознании связано с такими однокоренными словами, как «подвижничество» и «движение». Подвиг – это то, что направлено на изменение негативного хода вещей (поступков) к лучшему, это движение во имя людей, во имя других. Как феноменальное явление человеческого бытия подвиг мог иметь место только в обществе с высоко развитой культурой. Великие подвиги героев приходятся на «золотые века» культуры, дающие простор человеческому духу. С одной стороны, существует значительное разнообразие подвигов (военный, религиозный, нравственный и др.), и каждый неповторим; с другой стороны, можно выявить универсальное начало в понимании героя.

Проблемы подвига в истории связаны с процессом формирования понятия о «герое» и «героизме» со времен Античности. Классическая философия греков повествует о герое как о посреднике между богами и людьми, промежуточном звене между небом и землей, космическом деятеле, организаторе порядка, борце с хаосом, живом воплощении мощи народа. Герой, совершающий подвиг, – одна из устойчивых мифологем общественного сознания, особый механизм социальной регуляции.

Отличительным признаком «героического века» Г. Гегель считал совпадение индивидуальной самостоятельности, личного дела и его всеобщего значения. Его концепция героя непосредственно вытекает из общего представления исторического процесса как этапа самопознания абсолютного духа. Гегель связывает понятие «герой» и понятие «великая историческая личность». Для него герой – выразитель всеобщего в индивидуальном, проводник объективной необходимости, творец жизни народов, а кроме того, страстотерпец и даже жертва. В «Лекциях по эстетике» Гегель определяет героя как «индивидуума, который по самостоятельности своего характера и, руководствуясь своим произволом, берет на себя бремя и совершает весь поступок» [1. С. 189]. Подвиг есть выражение воли, но не субъективной, а именно воли моральной. Или, как пишет исследователь философии Гегеля И.А. Ильин, «...воля есть дух в его практическом, раскрывающем себя и творящем свою цель порыве» [2. С. 288]. Други-

ми словами, воля есть конкретный итог пути, пройденного субъективным духом.

В русской социально-философской мысли значительное развитие тема подвига героя получила в конце XIX – начале XX в. Одними из первых эту проблему стали обсуждать мыслители-народники (Н.К. Михайловский, П.Л. Лавров), которые представили отклик на процесс разложения традиционного общественного устройства России. Этот анализ был продолжен в русской религиозной философии (С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский, С.Л. Франк), главным образом, в исследованиях, касающихся характера русских революций и участия в ней деклассированных элементов. Позиция этих авторов отражала, в существенной мере, влияние литературного творчества Ф.М. Достоевского. Русские мыслители отмечали тесную связь между толпой и ее героями. Они сделали вывод о том, что в русском национальном сознании представления о герое предназначены не столько для воспитания общества, сколько для мобилизации его энергии.

В конце XIX – начале XX в. тема героя и героизма берется на вооружение российскими марксистами, которые пересматривают историю с позиции классовой борьбы, героическими в ней признаются те образцы, которые отвечают идее революционного преобразования мира. Здесь привлекает внимание работа Г.В. Плеханова «К вопросу о личности в истории»; пропитанная идеалами революции работа Ж.П. Лаграфа «Образование героического идеала»; лекция советского общественного деятеля А.В. Луначарского «Героизм и индивидуализм».

Подвиг есть особый вид духовной практики, антропологический процесс, который охватывает все уровни человеческого существования.

Русский философ Н. Бердяев писал о том, что подвижничество предназначено для «освобождения человеческой личности». Он определяет подвиг как концентрацию внутренних сил и управление собой.

Глубинные личностные процессы, происходящие в подвиге и протекающие на границе сознания и сверхсознания, требуют немалых внутренних усилий и нравственной чистоты. Феномен подвига связан с некоей сверхсознательной глубиной души человека, при этом осуществление подвига определяется динамическим способом его бытия.

Подвижнический опыт мистико-аскетической традиции – духовный опыт, который главной частью принадлежит к роду мистического опыта [3. С. 266–267]. Изучая феномен подвижнической деятельности сознания, можно выделить сочетание двух принципиально различных действующих начал, соединяющихся в одном процессе:

– действие человеческих энергий, подчиняющееся воле и сознанию, представляется как управляемая компонента;

– действие Божественной благодати – как компонента, не управляемая и не подчиняющаяся никаким инстанциям в кругу опыта.

В российском менталитете важную роль играет готовность к подвигу, приверженность к героизму. Это связано с исторической необходимостью – защищать свое отечество от бесчисленных внешних и внутренних врагов в сложных климатических условиях, о чем писал историк Н.М. Карамзин [4].

Особенность русского воина-героя в том, что он всегда соотнесен с родиной. Это противопоставляет его индивидуалистическому героизму германца и грека. В «Слове о полку Игореве» постоянно звучит мотив Родины, Руси-матушки. Русский герой-богатырь постоянно ощущает необходимое ему материнское тепло. Тогда как Рим-Родина неумолимо требователен, побуждает к утверждению себя, мщению. Подвиг германца, что видно из «Гренландской песни об Атли», обнаруживает в себе волю к экспансии, агрессивность. Наступательный порыв в русском подвиге практически отсутствует. Русский патриотизм – это всегда защита Родины.

Для древнерусского мировосприятия война была проявлением зла, с которым народ сталкивается очень часто. Злу необходимо было противостоять, защищая свое потомство и право проживания на земле с оружием в руках. И только справедливая война могла оправдать героев. Именно война была тем социальным явлением в эпоху Средневековья, где включался механизм героического. Д.А. Волкогонов отмечает, что «...героизм – явление историческое, где каждой эпохе соответствует свой тип героизма и героев» [5. С. 37]; а для Средневековья вообще героизм мог быть только воинским.

Феномен былинной древнерусской героики состоит в том, что общественно значимые подвиги воинства признавались в качестве некоего идеала, вырисовывающегося в образ витязя-богатыря. В образе древнерусского богатыря воплотились народные понятия о высоких нравственных качествах, какими должен был обладать истинный герой. Одно из самых главных качеств Ильи Муромца – это чувство справедливости и осознание своего долга – стоять за правду. Он готов идти на прямое столкновение с князем, с боярами, когда видит, что те поступают не по правде.

Д.А. Волкогонов указывал, что для современного переживания чувства героического связь героя и патриота неотделима. И такому слиянию понятий мы обязаны русской истории, ее традициям. Эпические образцы героизма для Древней Руси невозможно свести к узкому списку героев. Весь богатырский эпос древней Руси пронизан героическим. Фольклор является наиболее устойчивой формой для сохранения народных чаяний и переживаний. В.Я. Пропп замечает в своем ис-

следовании, что «...былины отражают не единичные события истории, они выражают вековые идеалы народа» [6. С. 7].

В былинном эпосе наиболее четко отражены воины-герои. Их образы собирательны, они впитали в себя идеал, формировавшийся на протяжении многих столетий. Б.Н. Путилов отмечает: «Фольклор возникает, живет, хранится, развивается, меняется в рамках традиции, которая составляет его эстетическую и мировоззренческую сущность» [7. С. 179].

В русском языке слово «Богатырь» (Бога искатель, Бога защитник) является заимствованным из языков тюркских народов от «Батыр», «Пэтыр» (алтайск.), что означает силач, храбрец. Существует версия происхождения слова «богатырь» от половцев. Тем не менее все сходится в восточном происхождении этого слова. Впервые в одной из летописей 1240 г. встречается это слово, и, вероятно, оно прозвучало на русской земле после нашествия Батые. Такое заимствование указывает на признание богатырей-витязей и их героических поступков по обе стороны воюющих. Выдающиеся воины-профессионалы всегда вызывают уважение даже у противника.

Русский вариант, включающий содержание известного нам понятия – «витязь»: сильный, храбрый муж. Происхождение этого слова, возможно, проистекает из индоарийских языков, «viti» с санскрита – блеск в отношении металлов и лучей.

Образы русских богатырей собирательны в отношении эпох и исторических событий. При всем стандартном наборе черт богатыря (сила, храбрость, великодушие), каждый из них обладает характером индивидуальным. Наличие индивидуальных личностных черт свойственно для всех мировых героев эпохи древности. Именно это качество будет постепенно отходить на задний план с большей христианизацией воинского идеала и приведением его к некой норме качеств героя-подвижника.

Таким образом, в русском человеке изначально заложено героическое начало, которому он следует. Философия русского подвига укоренена в национальные традиции русской культуры, в идеологию определенного периода, исторические условия, психологию людей и др. В настоящее время, когда мир охвачен состоянием духовного распада, в погоне за материальными благами, человек превращается в «потребляющее животное», обращение к подвигу – как стремлению к нравственному идеалу, исторически сложившемуся в нашем государстве, особенно необходимо. В переломные для существования культуры эпохи люди всегда воскрешают образ Человека-героя. Качественные изменения в культуре требуют поиска нового типа человека, адекватного изменяющемуся миру. В условиях хаоса и аномии подвиг героя выступает духовным ориентиром.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике // Гегель Г.В.Ф. Собр. соч. М., 1938. Т. XII, Кн. 1.
2. Ильин И.А. Философия Гегеля о конкретности Бога и человека. СПб., 1994.
3. Хоружий С.С. Проблема личности в православии: мистика исихазма и метафизика всеединства // После перерыва. Пути русской философии. СПб., 1994.
4. Карамзин Н.М. История государства Российского // Избранные произведения. Л.: Лениздат, 1980.
5. Волкогонов Д.А. Феномен героизма. М., 1985.
6. Пропп В.Я. Русский героический эпос. 2-е изд. М., 1958.
7. Путилов Б.Н. К типологии природы фольклора и его специфике // Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 7 сентября 2007 г.